

ГАСТРОЛИ

Ольга ГЕРДТ

"Неподвижного путника" — последнее творение известного французского режиссера Филиппа Жантти — всего один только вечер показывали в Москве. Парадокс, но этот невероятно сложный в техническом отношении спектакль, в котором на ваших глазах совершаются почти сюрреалистические метаморфозы, кажется простым и ясным, как детская считалка. Гармония и чистота этого спектакля обескураживает. Даже снобы забыли, что они снобы, и рыдают, как простые смертные...

Спектакль Жантти — это странные чувства: щемящая детская тоска, которая бывает лет в пять, когда деревья еще кажутся большими, взрослые — сильными, а мир — куда больше той детской ванной, в которой ты еще можешь утонуть с головой, но не боишься. Потому что не боишься еще ничего...

Незадолго до приезда труппы Филиппа Жантти в Москве выступал Филипп Декуфле со спектаклем "Декодекс". Казалось бы, оба очарованы иллюзией, пластическим пространством снов и галлюцинаций, балаганом, магическими коробочками и мистическими рамочками фокусников. Но между этими двумя иллюзионистами разница лет в десять, и она многое определяет. Декуфле, дитя французской "новой волны", работает с человеческим телом. В шутильной своей лаборатории "кроит" его и перекраивает, то оттапывая, то прикрепляя новую конечность. Театр Декуфле ближе к анатомическому. Театр Жантти — сущностный. Его "Путник" — так неактуально — о душе. Той глупой, мягкой ниточке, которую его странствующие герои то обретают, то теряют, а без нее — что тело? Глиняный горшок или бумажный куль, в который заворачивают тело в конце спектакля, а куль остается пустым, хотя и хранит объем. Иллюзию объема. Декуфле — дерзкий материалист, разоблачающий тайны. Жантти — мудрый кукольник, способный вдохнуть жизнь в кусок бумаги или глины, с вещами и предметами он перецепывается, как ребенок, для которого мертвой материи не существует.

Декуфле волнует механизм: как там кровь течет по венам, жизнь по жилкам? Жантти — тайна.

Неуловимость, заставляющая биться сердце. Отсюда разница в самом подходе к трюку и фокусу. Трюк Декуфле — это трюк в разрезе, он обнажен и демонстрируется как анатомический мляж. Жантти волшебством не щеголяет. Вящего ли ума дело, как из фарфоровой супницы появляется настоящая человеческая голова, или каким образом малюсенькие карлики умещаются в картонных коробочках и при этом у них крохотные тельца и живые огромные головы? А когда коробочки разлетаются и тонут в волнах настоящего синего моря (кажется, так), нам ни к чему понимать, куда же спрятал Жантти тела актеров. В спектакле много таких необъяснимых чудес. Их и не хочется объяснять. Не хочется знать, как это сделано. Не надо. Пусть будет, как есть. Пусть мир покажется фантастичным и новым, как в пять лет. Когда еще тонешь в жизни с головой, и кажется она бесконечной и неисчерпаемой.

Жантти стремится создать ощущение живой и подвижной ткани спектакля. Действие непрерывно. Актеры не уходят со сцены — они или исчезают в волнах, или появляются из песка. Декорации не разбираются, а видоизменяются на ваших глазах. Как если бы вы наблюдали смену времен и состояний на ускоренной пленке. Филипп Жантти создавал этот спектакль 15 месяцев. Он и семь его разноязыких актеров. Как будто укрылся от Потопа в Ноевом ковчеге и кроил мир заново. Семь разряженных болтливых мумий, научившихся пить, говорить и не писать против ветра — они появляются на сцене на каком-то подобии доски или стола с многозначительным гамлетовским вопросом: "Ту би ор нот ту би?". Прилетит заводная птичка, их вынесет в открытое море, разбрасает. Море будет чернеть и подниматься, как на дрожжах, пока его не сдует ветром, словно это кусок ткани или тень, край которой приподнимает мальчик на полотне Дали. И откроется фантастический пейзаж каких-то песчаных карьеров, земля обетованная, на которой они начнут плодиться и размножаться, находить в капусте маленьких голых пупсов, строить их в шеренги, собирать в армии, заряжать ими импровизированные катапульты. — надо же что-то делать с этим человекообразным добром? А потом выпадет на сцену последний снег — просто свалится с неба целая армия голеньких пупсов на белых парашютиках. И прямо с земли вы попадете на небо — в белое марево облаков с откры-

точным ангелом в пушистых крыльях по центру. Самый волшебный и сладкий из снов спектакля — нащептанная мамой сказка о небесах, о рае, где тебя встретят ангелы. И в этот прекрасный детский сон нагло вклинится какой-то беккетовский кошмар — райские врата обернутся таможей, и придирчивый некто в штатском начнет шмонать чемоданы прибывших. Их разденут, вынут тряпичную ниточку-душу изо рта, упакуют мертвые тела в целлофан и, как перед вратами концлагеря, перечислят поименно. Облака начнут розоветь, взбиваться в пышную мыльную пену, и в ней будут плавать улыбочивые цветные игрушки в глупых диснеевских колпаках...

Библейский ритм спектакля укачивает, но не спасает от назревающего чувства катастрофы. Неизбежной, как порядок вещей. В финале я снова вспомнила Филиппа Декуфле: голый Адам из плоти и крови на авансцене. У Филиппа второго — сухая, бумажная последняя сцена. Пепел и прах. Подобная бабочке, кукла с таким человеческим лицом, что становится страшно. Она улетает под колосники, как легкий бумажный пепел.

Все было, все будет. Жантти так мудро, что не боится нарваться на сентиментальность. Он сдувает ваши одежды и заставляет ощутить свою незащищенность. Детскую тоску экзистенциалистов, этих старомодных шестидесятников Европы, в середине кошмарного века вдруг задумавшихся о душе. Неистребимой, тоскующей, кочующей. Никто ведь не спрашивает — быть тебе или не быть. А просто выпускают в этот мир: видеть кошмарные сны и произносить абсурдные монологи, стоящие не больше, чем детская считалка.

Ответ Жантти авангардистам всех времен и народов умиротворяет и успокаивает. И еще один, примечательный пассаж. Все декорации в спектакле Жантти в буквальном смысле — рукотворные. Сделанные руками актеров. Они сегодня, полтора года находясь в странствии с "Неподвижным путником", латают и перешивают его, подобно балерине, которая сама штопает свои туфли. Абсурдное занятие. Наводящее на мысль, что спектакль Жантти — не кочующее зрелище, а его собственный ковчег, населенный избранными и созданными им людьми, фантазиями и кошмарами. Долго ли он проживет? Наверное, пока актеры будут сохранять то легкое дыхание, которым наделил его кукольник Жантти...

Фото В. ЛУПОВСКОГО